

Премия Фонда Эдуарда Райна

Как-то весной 1999 года папа, вернувшись вечером с работы, вопреки обыкновению, не отправился сразу переодеваться и ужинать, а, увидев меня, тут же стал оживленно рассказывать:

«Представляешь, является сегодня ко мне на работу (в Президиум РАН) приятный молодой человек, господин Гюнтер М. Хандке (Gunther M. Handke), и сообщает, что он — представитель Фонда Эдуарда Райна и прибыл из Германии специально для встречи со мной. Дело в том, что их Фонд собирается наградить меня своей премией за «теорему отсчетов», которую я вывел еще 67 лет тому назад, в 1932 году. О своем намерении они сообщили в письме, посланном на мое имя в Российскую академию наук, однако никакого ответа не получили. И действительно, письмо почему-то до меня не дошло. Тогда они разыскали сведения обо мне через фонд М.С. Горбачева. Для того же, чтобы на месте выяснить реальную ситуацию, — жив ли я, в каком состоянии нахожусь и, если все нормально, то согласен ли эту премию принять, направили в Москву господина Гюнтера М. Хандке. А началось все с того, что в 1991 году Фонд присуждал премию К. Шеннону, и во время подготовки материалов, просматривая литературу, обнаружили, что эту теорему я вывел и доказал на 15 лет раньше него. Чтобы убедиться в этом, один из членов Попечительского совета Фонда, профессор доктор Ханс Дитер Люке из Технического университета г. Аахена, подробно изучил историю «открытия» теоремы отсчетов и убедился, что так оно и есть.

В 1999 году, подводя итоги уходящего века, Фонд решил «восстановить справедливость» и «как первооткрывателя» наградить меня своей премией. С этим господин Гюнтер М. Хандке и пришел ко мне. Перво-наперво, я, конечно, поинтересовался, что это за фонд. А то ведь бывают такие организации, что от них и деньги-то получать стыдно. Ну, фонд, вроде, оказался приличный, так что я согласился».

Заручившись согласием Владимира Александровича, господин Хандке отбыл в Германию.

Фонд Эдуарда Райна был учрежден в 1976 году. Его основатель немецкий инженер, издатель и писатель Эдуард Райн (1900–1993), изобретатель долгоиграющей грамзаписи. Запатентовав свое изобретение, он наладил производство долгоиграющих пластинок, на чем и разбогател. Эдуард Райн был одержим идеей популяризации достижений науки и техники и, по возможности, сам старался способствовать их развитию и продвижению. Став обладателем большого состояния, он создал фонд поддержки и продвижения изобретений в области радио, телевидения и информационных технологий как в Германии, так и за ее пределами. Организация эта некоммерческая. Свою поддержку Фонд осуществляет в виде денежных премий.

Премия Эдуарда Райна является одной из самых престижных международных наград, присуждаемых подобного рода фондами, за достижения в области телекоммуникационных и информационных технологий, начало развития которых относится к середине XX века. Эта область науки и техники «не охватывается» широко известной Нобелевской премией, присуждаемой за научные достижения в области физики, химии, биологии, а также литературы, экономики и политики. Фондом Эдуарда Райна были отмечены выдающиеся работы известных ученых

многих стран, среди которых Владимир Зворыкин (США) и Клод Е. Шеннон (США). В нашей стране эта премия известна мало, поскольку до В.А. Котельникова она не была присуждена ни одному российскому ученому. Владимир Александрович был первым и единственным российским ученым, удостоенным этой высокой награды (на 1999 г.).

Из Статута Фонда Эдуарда Райна

«Цель фонда.

В основном Фонд поддерживает ученых и инженеров с помощью денежных наград

а) за выдающиеся достижения в исследовании и/или развитии в области *радио, телевидения и информационных технологий,*

в) за выдающиеся художественные и/или журналистские достижения в радио и телевизионном вещании, которые могут быть приняты в Германии или в других формах публикаций.

...

Награда может быть вручена только лично победителю.

...

Получившие премию могут использовать ее по своему усмотрению; они не имеют никаких обязательств перед Фондом. В частности, они не обязаны использовать премию для дальнейшей работы именно в той области науки и техники, за достижения в которой ее получили».

Премии за достижения в области науки и технологии вручаются ежегодно. С 1990 года они присуждаются по двум номинациям:

1. Основная премия — за выдающиеся достижения в области фундаментальных, теоретических исследований.

2. Премия за выдающиеся достижения в области технологий.

Премия за достижения в области «культуры» присуждается один раз в два года.

С 1996 года Фондом Эдуарда Райна дополнительно была учреждена Молодежная премия — за лучшие работы молодых ученых.

Вскоре после визита господина Гюнтера М. Хандке Владимир Александрович получил официальное письмо-уведомление от правления Фонда Эдуарда Райна, в котором они сообщали о своем решении наградить его «Основной премией» за 1999 год.

Из письма правления Фонда.

ФОНД ЭДУАРДА РАЙНА

Уважаемый господин профессор Котельников!

По единогласному предложению научного Попечительского совета правление немецкого ФОНДА ЭДУАРДА РАЙНА приняло решение о награждении Вас основной премией за 1999 год за впервые теоретически точно сформулированную теорему «отсчетов».

От имени правления сердечно поздравляю Вас!

Лауреатами основной премии в последние годы были: К. Шеннон, А. Витерби, Р.В. Хэмминг и Ю. Суематцу. Просим Вас также обратить внимание на прилагаемые нами две брошюры.

Премия Эдуарда Райна является высшей премией подобного рода за достижения в области информационных технологий в Европе. <...>

Устав фонда требует того, чтобы Вы получили эту премию лично!

Официальное вручение премии состоится в субботу, 16 октября, в 15 часов в Почетном зале Немецкого музея в Мюнхене. Премию, по всей вероятности, вручит премьер-министр Баварии г-н Эдмунд Штойбер.

ФОНД ЭДУАРДА РАЙНА уже забронировал в Мюнхене в отеле City Hilton Hotel (ул. Розенхаймер, 15) комнаты примерно для 250 гостей; отель находится приблизительно в 300 м от Немецкого музея.

Сообщите нам, пожалуйста, не затягивая с ответом, кто будет сопровождать Вас в Мюнхен; расходы по проживанию в отеле за Вас и сопровождающее Вас лицо берет на себя фонд.

Мы советуем Вам прилететь в Мюнхен за день до официального мероприятия. Это дало бы Вам возможность посетить Немецкий музей.

<...>

Речь в Вашу честь произнесет господин профессор доктор Ханс Дитер Люке из Технического университета г. Аахена.

После того как Вы примете премию из рук г-на премьер-министра, Вы можете в течение 3-х минут обратиться к аудитории со словами благодарности; присутствие переводчицы обеспечено.

Согласно нашему предыдущему опыту мероприятие по вручению премии закончится около 17.30 часов. Примерно в 19 часов в банкетном зале City Hilton Hotel состоится совместный ужин только для избранных приглашенных гостей.

Сообщите нам, пожалуйста, как можно скорее (!), хотите ли Вы принять эту европейскую основную премию 1999 года за выдающиеся достижения в области фундаментальных теоретических исследований.

Сердечный привет из Германии.

Ваш.

Майне, 08.03.1999 Др. Рольф Гартц

Управляющий Правления

Владимир Александрович официально подтвердил свое согласие принять награду Фонда, после чего началось оформление всех необходимых бумаг.

Итак, по правилам Фонда премию получать полагалось лично, поэтому нужно было ехать в Мюнхен, где ее вручали. Как бы опасаясь слишком меня обременить, папа спросил: «Ты не могла бы поехать со мной? А то мамы ведь теперь нет. Раньше на таких мероприятиях она была моим “сопровождающим лицом. Тебя твои отпустят?». Разумеется, я с радостью согласилась, и «мои» меня отпустили. По работе мне довольно часто приходилось бывать в зарубежных командировках, однажды довелось побывать и в Мюнхене. Однако поездка с папой не могла сравниться ни с какой другой. На всем ее протяжении и потом, при воспоминаниях о ней, у меня было ощущение полного счастья от постоянного общения с ним, от заслуженного почета и внимания, которые были ему оказаны, от окружавшего его теплого отношения, от того, как он на все это реагировал, от наших прогулок по городу, посещения музеев, галерей и обмена впечатлениями. Словом, от каждой минуты нашего путешествия.

Сначала было, конечно, очень тревожно — как папа выдержит это мероприятие. Дорога не близкая — путь до аэропорта (около 1 часа), оформление и ожидание в аэропорту (2–3 часа), трехчасовой перелет и дорога до отеля. Словом, нагрузка для 91-летнего человека немалая. Папа же настроен был решительно. Его очень

заинтриговало и тронуло то, что более чем полвека спустя где-то в Германии ученые по собственной инициативе докопались до истоков основополагающей в информатике и телекоммуникационных технологиях теоремы и без какого-либо представления от нашей страны решили присудить ему эту награду. Деньги, конечно, деньгами, считал он, но поехать туда следовало обязательно хотя бы даже в знак благодарности за признание его приоритета. Решил — так решил. Успокаивала я себя тем, что поскольку мы едем накануне церемонии вручения и на этот день никаких официальных дел не запланировано, то по приезде мы сможем сразу пообедать и он как следует отдохнет в отеле. А потом, по ситуации, — можем прогуляться по городу или посетить Немецкий музей.

В Мюнхене мы планировали пробыть три полных дня — прилететь 15 октября, в пятницу, а утром 18 октября, во вторник, улететь в Москву. Было не очень понятно, как будет происходить «передача премии», поэтому надо было предусмотреть время для банковских операций. Папа решил, что «живьем деньги везти не стоит», поскольку сумма немалая и могут возникнуть всякие проблемы — с таможей, или, кто его знает, — с «какими-нибудь жуликами». Получалось следующее. Суббота полностью занята торжественными мероприятиями — вручением премии, а потом — совместным ужином «при свечах» для приглашенных гостей. В воскресенье банки не работают. Таким образом, для решения финансовых проблем оставался только понедельник.

Папа был настроен очень оптимистически, и было видно, что перспектива такого путешествия ему очень нравится. Мои опасения оказались напрасными. На протяжении всей поездки папа был очень бодрым, оживленным, и казалось, что помолодел лет на 10.

Вся дорога от дома до City Hilton Hotel г. Мюнхена прошла очень легко и приятно. По совету Антонины Васильевны Зайцевой, бессменной папиной помощницы по Президиуму, оформление полета в аэропорту Шереметьево-2 мы заказали через VIP-терминал, где вся эта процедура, включая таможенный досмотр, проходит быстро и просто. К тому же там очень комфортные условия ожидания. Время до посадки в самолет провели очень весело. В полете папа был в прекрасном приподнятом настроении, мы пили вино, болтали о всякой всячине. Он рассказывал о своих командировках, людях, с которыми довелось повстречаться, странах, городах, институтах, музеях и галереях. Вспоминал всякие забавные истории и курьезные случаи, которые случались во время поездок.

Недалеко от нас сидела группа японцев. Возможно, поэтому папа вспомнил одну из своих командировок в Японию и весело рассказал о том, как однажды там он «похитил» М.В. Келдыша. А было это так. На следующий день после прилета в Токио папа, по своему обыкновению, отправился с утра пораньше походить по городу и пригласил с собой Мстислава Всеволодовича. Прекрасно прогулявшись, они возвращались к завтраку в свой отель. Когда подошли, то к своему удивлению увидели, что достаточно большая группа японцев с плакатами в руках организованно ходит взад вперед перед входом в отель и периодически что-то выкрикивает. Никого они не трогали, полиция их тоже не трогала — все было чинно и мирно. Потом оказалось, что это служащие отеля, которые устроили забастовку. Бастовали они очень «вежливо», никакого дебоша не устраивали и, более того, чтобы не пострадали постояльцы отеля, ими был приготовлен простенький завтрак и с извинениями предложено позавтракать самостоятельно, «в порядке самообслуживания». Об этом в фойе гостиницы и в ресторане было

вывешено объявление. Длилась забастовка недолго, вскоре после завтрака она уже закончилась, и служащие приступили к своей работе. Ну, а что касается папы и Келдыша, то когда они появились в отеле, то обнаружили, что там царит переполох. Представитель наших «спецслужб», сопровождавший делегацию, и японские представители соответствующих служб в полной панике — «пропали президент и первый вице-президент АН СССР!» Увидев папу и Мстислава Всеволодовича, они накинулись на них с расспросами. Когда им все объяснили, то наш «сопровождавший» и говорит папе: «Владимир Александрович, ну как же так, никого не предупредили и отправились одни по городу, да еще и президента с собой утащили? Видите, что там происходит?» — он имел в виду забастовку. Папа возразил: «Ну и что же в этом такого? Ничего же не произошло, да к тому же все у них мирно». Когда после завтрака делегация отправилась по делам, забастовка уже закончилась, и у отеля никого не было. Папа обратил на это внимание «сопровождающего»: «Вот видите уже ничего нет, все спокойно». На что тот ответил: «Ну, знаете ли, всякое могло произойти».

Потом разговор перешел на Вьетнам. Я вспомнила, как папа привез тогда из командировки огромную связку бананов, соломенные шляпы, в которых обычно вьетнамские крестьяне работают на огородах и рисовых полях, и пробковый шлем. Бананы, конечно, для нас с Шуриком были настоящим сокровищем. Я даже не помню, чтобы до этого мы когда-нибудь их пробовали. По-моему, у нас в стране они тогда не продавались. Да и уже много позже они были дефицитом. А тогда мы от них были в полном восторге, и есть их можно было сколько душе угодно! Мы с Шуриком еще очень долго вспоминали потом эти бананы. Соломенную шляпу папа первое время надевал, когда работал в огороде. А у нас они не «пошли». Мы, было, попробовали, но нам показалось в них очень душно, да и мешались они — все время сползали на лицо. Пробковый же шлем Шурка сразу «приватизировал» и шеголял в нем все лето. Папа вспомнил, как во время той поездки во Вьетнам принимали их делегацию. В Ханое их, как почетных гостей, поселили во дворце императора. Папе выделили шикарную спальню, то ли принадлежавшей когда-то самому императору, то ли кому-то из членов его семьи или приближенных. Комната была огромная, роскошная, украшенная очень красивыми и изящными панно, картинами и инкрустированными ширмами. Кровать — под кисейным пологом, от москитов и всяких насекомых и неприятной живности. Оказалось, правда, спать под ним очень душно. Зато, как уверяли хозяева, безопасно. Когда же папа спросил про туалет, то его торжественно подвели к очень красивой ширме, за которой оказался просто-напросто ночной горшок, правда, тоже очень красивый. Вот тебе и 20-й век! Принимал папу «сам» Хо Ши Мин. «Маленький такой, худенький, симпатичный старикашечка, — вспоминал папа. — Поговорили мы с ним о том, о сем. Рассказал я, что приехал от Академии наук СССР, чтобы помочь наладить дела с наукой во Вьетнаме. Хо Ши Мин одобрительно кивал головой, улыбался, расспрашивал о делах и вообще о нашей жизни. На том мы с ним и распрощались».

Потом, рассказывал папа, «ездили мы по всяким делам, были в их радиоцентре. Когда возвращались оттуда и проезжали какую-то деревушку, то я обратил внимание на то, что почти на каждую крышу хижины прикреплен длиннющий шест, а на нем большое кольцо из проволоки. Вроде гимнастического кольца — хула-хупа. Я спросил сопровождающих нас вьетнамцев, что это такое.

Они объяснили, что это местные жители «крадут» таким образом электроэнергию — «ловят» на свои импровизированные антенны, к которым подсоединены маломощные электрические лампочки, излучение от антенны радицентра. Светит она, конечно, очень слабенько, но они рады и этому, поскольку деревня, конечно, не электрифицирована». Папе это очень понравилось, он подивился смекалке и предприимчивости местных жителей.

«В свободное время нашу делегацию повезли на прогулку в джунгли. Заросший кустами, опутанный лианами, заваленный поваленными деревьями и ветками очень опасный лес. Помимо всякого зверья, там было очень много опасных насекомых, ядовитых змей и пиявок, которые свисали с веток деревьев и кустарника и прыгали на проходящую мимо жертву. В целях безопасности нас обули в резиновые сапоги, выдали одежду с длинными рукавами и специальные шляпы на голову. От змей дали палки с рогатинкой на конце. Ею надо было отодвигать всякую растительность с тропы и шуршать, чтобы змеи разбежались. Показали, что надо делать со змеей, если она окажется на пути — быстро прижать ее голову рогатинкой к земле, ну, а потом расправиться с ней. У проводника это получалось очень ловко, а нам самим, к счастью, делать этого не пришлось. Пиявки же, оказывается, очень коварные и опасные. Они незаметно «падают» на жертву, заползают под одежду и там присасываются. Если их быстро не заметишь, да еще если их много, то человек может погибнуть от большой потери крови. Мало того, что пиявки могут высосать много крови, они, чтобы легче было сосать, еще впрыскивают вещество, уменьшающее ее свертываемость, и в результате потом очень трудно остановить кровотечение. Так у нас пострадал один из членов делегации. В отеле, после прогулки, оказалось, что к нему заползла под одежду пиявка. Ее сняли, но потом очень долго не удавалось остановить кровь. Слава Богу, что, в конце концов, все кончилось благополучно».

Через какое-то время стюардессы нашего самолета начали развозить по салону напитки. Папа взял для себя апельсиновый сок. Отпив немного, поморщился и сказал: «Ну и кислятина! Сюда бы сахарку». Он вообще не любил очень кислого. А потом, вдруг, рассмеялся: «Нет, ты представляешь, — эти химики! Приватизировали слово “нейтрализовать!” Были мы как-то в командировке, и в нашей делегации был химик, академик Борис Александрович Арбузов, очень симпатичный человек. Обычно мы с ним обедали за одним столиком. И вот дают нам как-то на обед грейпфрут. Кислющий! Я и говорю: “Надо бы нейтрализовать эту кислятину сахарком”. Что тут было! Борис Александрович чуть не подавился: “Владимир Александрович, что Вы такое говорите! Кислота нейтрализуется щелочью!” Я даже рассмеялся. И пояснил: “А я имею в виду «кислоту», — не химическое соединение, а вкусовое ощущение”. Борис Александрович немного смутился. У химиков мышление уже настроено на “химический лад”. Потом я иногда над ним подтрунивал — “нейтрализовал” сахарком что-нибудь кислое. При этом он каждый раз немного смущался. Вот так, химики просто взяли слово и приватизировали!»

Папа стал просматривать какие-то журналы, для чего снял свои очки. У него была близорукость, а читал он, обычно, без очков. Когда дочитал, то стал искать очки, которые куда-то соскользнули со столика. Сразу найти не смог и, засмеявшись, вспомнил историю про мартышку. Был он в командировке в Индии. Как-то утречком пораньше, он, по своему обыкновению, вышел прогуляться

до завтрака. Погода была прекрасная, было очень приятно — свежо, солнце еще не палило, как днем. Отель был окружен парком. На большом раскидистом дереве, росшем почти у самого входа в здание, он заметил мартышку, которая удобно устроилась на толстой ветке и что-то жевала. Заметив папу, она все свое внимание переключила на него, пристально отслеживая каждый его шаг. Папа подошел к дереву и стал ее приманивать. Мартышка быстренько спустилась и уселась перед ним, явно ожидая что-нибудь от него получить. Пошарив в карманах, папа нашел шоколадную конфету «Мишка косолапый» и протянул ей. Взяв конфету, она снова забралась на дерево и принялась ее изучать. Сначала обнюхала фантик, покусала его. После чего аккуратненько его развернула и приступила к конфете — понюхала, лизнула, но, видимо, незнакомый запах и вкус ее не понравились, и она ее выбросила. Затем принялась за изучение фантика и фольги — их тоже обнюхала и попробовала пожевать, решив, видимо, что должно же быть что-то съедобное в угощении. Но опять была разочарована. Выбросив и фантик с фольгой, она некоторое время опять пристально смотрела на папу и, вдруг, быстро соскочила с дерева, умудрившись по пути стащить с папы очки, и стремглав снова взлетела наверх. Там, усевшись на свою ветку, стала изучать очки. Папа опешил, а потом, конечно, расстроился — как же он будет без очков? Искать где-то другие — целая волынка, на это надо время, которого у него не было. Тогда папа начал ее уговаривать, приманивать разными вещами, которые смог найти у себя в кармане, — бесполезно. Пристально глядя на него, свисая с ветки в разных позах, она размахивала его очками, которые держала в руке. К счастью, в этот момент мимо проходил индеец, служащий отеля. Заметив растерянного папу, он подошел поинтересоваться, в чем дело. Папа пожаловался ему на мартышку. Тот стал что-то ей кричать, размахивать руками, а она, словно издеваясь над ними, перескакивала с ветки на ветку, не выпуская при этом из рук очки. Махнув рукой, индеец убежал, но через короткое время вернулся, держа что-то в руках. Мартышка насторожилась. Когда он подошел к дереву и протянул ей какую-то еду, она мигом соскочила, бросив по пути очки, и принялась лакомиться принесенным угощением. К счастью, очки не разбились. Таким образом удалось выменять очки на лакомство. По-видимому, служащим отеля проказы этой мартышки были уже известны. Так все благополучно и завершилось. Папа облегченно вздохнул и отблагодарил своего спасителя.

В свою очередь, я вспомнила свою забавную «встречу» с мартышками. Тоже в командировке в Индии. Потом папа рассказал о своей поездке на ракетодром, о том, как они ездили в гости к художнику Святославу Рериху. Рерих рассказывал о жизни в Индии, показывал свою мастерскую, свои картины, рассказывал об отце — известном художнике Николае Рерихе. Владимир Александрович заметил: «Представители нашего посольства, по-видимому, довольно часто привозили к нему в гости членов наших делегаций. Наверное, ему нравилось принимать у себя гостей из России, иначе зачем же он стал их приглашать». Вспомнил и о поездках по стране, посещении Тадж-Махала и других интересных мест.

Вскоре самолет пошел на снижение, и мы в прекрасном настроении благополучно прибыли в Мюнхен.

В аэропорту нас встречал тот самый «молодой человек», господин Гюнтер М. Хандке, который приезжал к папе в Москву. Оказался он не такой уж молодой, как со своих 90 лет оценил папа. Было ему, на мой взгляд, лет 50–60.

К нашему удивлению, он был без машины, и в город мы отправились на электричке. Это, как объяснил он, самый удобный и быстрый способ добраться до нашего отеля. Дело в том, что прямо из здания аэропорта в город идет электропоезд, который останавливается прямо около отеля, в котором нам предстояло жить. Так что это был самый удобный и быстрый способ добраться до места нашего назначения. По пути господин Гюнтер М. Хандке делился своими впечатлениями о своей первой встрече с папой. Он рассказывал, какие сомнения и опасения были у Фонда, поскольку на их письмо к папе не было никакого отклика, а автор «теоремы отсчетов», судя по тому, когда он ее вывел и доказал, человеком должен быть очень немолодым. Ехал, говорит, и не знал, в каком состоянии застанет 91-летнего ученого. По возвращении в Германию он с восхищением доложил в Фонде, что встречей с В.А. Котельниковым поражен. В рабочем кабинете, куда он был приглашен, он увидел работающего за письменным столом энергичного человека, перед которым были разложены бумаги с какими-то математическими выкладками. Прервав свою работу, ученый очень приветливо встретил его, выслушал и оживленно стал подробно расспрашивать о Фонде, задавая очень четко сформулированные вопросы. Мистер Хандке был поражен ясным умом и энергией 91-летнего ученого. Представители Фонда очень обрадовались услышанному и тотчас приступили к активной подготовке всех документов для вручения премии. Предстоящую встречу с великим ученым все ожидали с нетерпением.

Разместили нас, как и всех приехавших на церемонию вручения премии, в пятизвездочном отеле City Hilton Hotel. Каждому было забронировано по роскошному номеру. Мы уже были в предвкушении хорошего обеда, но — «не тут-то было»! Надежда на обед и отдых по приезде не оправдалась. Нас сразу «взяли в оборот». Как только мы оформили свои номера и чуть-чуть привели себя в порядок, папу срочно попросили поработать с переводчицей, которой нужно было подготовить материалы к предстоящей церемонии вручения премий. Пока они были заняты я, беседуя с господином Гюнтером М. Хандке, решила выяснить, каким образом происходит передача денег от Фонда, и не может ли кто-нибудь из организаторов помочь или посоветовать нам, как оформить их перевод в Москву. И тут выяснилось, что все организаторы мероприятия и гости покидают Мюнхен в воскресенье днем, а самим нам оформить это не удастся. Для решения этой проблемы оставался единственный выход — попытаться успеть все это сделать в тот же день, в пятницу, до закрытия банков. Гюнтер М. Хандке по телефону договорился с Фондом и банком о том, что деньги будут выделены, не дожидаясь официального вручения премии. Сразу после того как папа освободился, мы, наспех глотнув по чашечке кофе с крекером, в сопровождении Гюнтера М. Хандке и его супруги срочно помчались на машине в банк, где за несколько минут до его закрытия успели благополучно все оформить. Облегченно вздохнув и поблагодарив господина Гюнтера М. Хандке и его супругу за помощь, мы пешком отправились к нашему отелю. От их любезного предложения отвезти нас на машине в City Hilton Hotel мы с благодарностью отказались — и без того они потратили на нас слишком много сил и времени.

Банк находился в самом центре старого города. Как потом я прикинула по карте, приблизительно в 2,5 км от нашего отеля. Мы с легкостью ориентировались по карте-схеме города, которую предусмотрительно взяли в отеле.

Оказавшись «на свободе», мы с удовольствием шагали по улочкам Мюнхена по направлению к «дому». Уже был вечер, и неплохо было бы наконец где-нибудь пообедать, по-нашему — уже поужинать. Сделать это мы решили где-нибудь в конце пути, поближе к отелю присмотреть какое-нибудь симпатичное кафе или ресторанчик. По пути мы прошли мимо Немецкого музея, который показал нам господин Хандке, когда мы мчались в банк. По нашим оценкам, от него до отеля оказалось около 600 метров. Пока мы дошли до отеля, уже смеркалось. В окрестности никаких кафе или ресторанчиков мы что-то не увидели. В гостиницу папа идти не хотел, предпочитая посидеть где-нибудь в кафе или маленьком ресторанчике — почувствовать «атмосферу» города. Прохожих было мало, но встретившийся нам, наконец, молодой человек подсказал, в каком направлении мы сможем неподалеку найти ресторанчик. Это оказалось австралийское молодежное кафе, и расположено оно было не так уж и близко. Интерьер кафе был оформлен в австралийском стиле. В зале было полно молодежи, устроившейся за длинными деревянными столами, на которых были разложены салфетки в виде карты Австралии. Все было очень демократично — «шведский стол» и посетители, набрав еды, пристраивались потом со своим подносом на какое-нибудь свободное место за столом. Молодежь разглядывала нас с большим любопытством и изумлением, но очень доброжелательно. Папа смеялся: «Наверное, таких “престарелых” посетителей здесь не видывали». Нам же было очень хорошо. Папе понравилась веселая молодежная атмосфера, и мы расположились за одним из столов, где уже сидела небольшая компания. Молодые люди были очень вежливы и, казалось, даже с удовольствием приняли наше соседство. Даже о чем-то расспрашивали. С большим удовольствием мы, наконец, расслабились, поели и приятно отдохнули в окружении веселой молодежи, после чего отправились в наш отель устраиваться и отдыхать.

На протяжении всего пути от банка я периодически спрашивала папу, как он себя чувствует. На что он отвечал, что все нормально — он не устал. И только когда мы уже пришли в отель, на очередной мой вопрос ответил: «Немножечко».

На следующее утро за завтраком мы встретили г-на Хандке. Он сообщил нам, что в Музей надо приехать немного пораньше, чтобы было время для встречи и знакомства с другими участниками церемонии, которая должна начаться в 15.00. Мы с папой пошли прогуляться по окрестностям отеля, потом пообедали и, приведя себя в порядок, в назначенное время были в холле отеля. Там нас уже поджидали г-н Хандке с супругой, профессор Ханс Дитер Люке, который и должен был представлять папину работу к награде, тоже с супругой, и еще какие-то люди. Из двух предложенных хозяевами вариантов, каким образом добираться до музея — пешком или на машине, к их большому удивлению, папа выбрал первый. По папиным меркам это было совсем недалеко. Я же очень пожалела о сделанном им выборе. Не далеко-то недалеко, но по брусчатке, да на каблуках! Мы же «припарадилась». И жаль мне было не столько ноги, сколько туфли. Однако сказать об этом я, конечно, постеснялась. Так и ковыляла со счастливой улыбкой на лице, радуясь после каждого шага, что каблук еще целы. Папа же спокойно шагал, оживленно беседуя с сопровождающими.

По приглашению Немецкого музея г. Мюнхена с 1996 года торжественная Церемония вручения премии Фонда Эдуарда Райна ежегодно проводится в Мемориальном зале музея.

Немецкий музей — один из наиболее важных и популярных музеев науки и техники в мире. Основан он был в начале девятнадцатого века, а в 1925 году его коллекция была переведена в новый музейный комплекс, в котором находится и до настоящего времени. В экспозиции музея представлено около 17.000 объектов, демонстрирующих принципы и развитие науки и техники. Площадь экспозиции составляет 45.000 квадратных метров. В его библиотеке собрано 700 000 книг и журналов, а также большая коллекция планов, документов, патентов и каталогов. К тому же огромному комплексу относится и самый современный в мире планетарий.

Появление В.А. Котельникова в музее произвело фурор. Приглашенные гости и организаторы мероприятия, собравшиеся в фойе перед началом церемонии, тотчас плотным кольцом окружили Владимира Александровича. Каждый старался выразить ему свое глубокое уважение, восхищение его работами и тем, что он до сих пор работает. Кто-то из присутствовавших вспоминал, что учился по его замечательным учебникам. Другие лауреаты премии оказались заброшенными. Они одиноко стояли в сторонке, в то время как всеобщее внимание было приковано к папе. Узнала я их по фотографиям, которые были представлены в уже выпущенном к этому времени буклете Фонда, посвященном премиям 1999 года. Стараясь сделать это незаметно для окружающих, я дала папе об этом знать. Среагировал он моментально — тотчас, извинившись перед осаждавшими его гостями, подошел к двум другим лауреатам, инженерам из Италии, которые были номинированы на премию «по технологии», и поздравил их с высокой наградой, после чего стал подробно расспрашивать об их работах.

Церемония вручения премий Фонда Эдуарда Райна проходила в очень строгом и элегантном Мемориальном зале музея, реставрация которого закончилась как раз к этому торжественному мероприятию.

Представлял папину работу, как и было запланировано, профессор доктор Ханс Дитер Люке из Технического университета г. Аахена, сделавший прекрасный доклад о ключевом значении «теоремы отсчетов» в развитии телекоммуникационных технологий и информатике и об истории ее «открытия».

Вручал премии премьер-министр Баварии г-н д-р Эдмунд Штойбер.

В своем 3-минутном ответном слове Владимир Александрович, поблагодарив за высокую награду, сказал, что не будет касаться «теоремы отсчетов», о которой уже прекрасно доложено, а коротко расскажет о своей последующей деятельности, чем вызвал огромный интерес и восхищение аудитории.

Выслушав папино выступление, бургомистр Баварии пошутил, что теперь, имея такой пример перед глазами, он подумает, не пересмотреть ли возрастной ценз для пенсионеров.

После церемонии вручения его опять окружила толпа гостей и организаторов, которые выражали свое удивление и восхищение диапазоном его деятельности и уровнем его работ. Один из них показал папе цифровую фотокамеру и спросил, есть ли у него, патриарха всей цифровой передачи информации, такая и очень удивился, услышав отрицательный ответ. А папа, в свою очередь, стал с интересом ее рассматривать, обсуждая с ним принципы и особенности ее работы и отличие от оптической с точки зрения качества изображения и техники фотосъемки.

Вернувшись в отель после вручения премии, которое закончилось после 17 часов, папа успел чуть-чуть передохнуть, и, приведя себя в порядок, к 19 часам мы отправились на прием, который должен был проходить в банкетном

зале нашего City Hilton Hotel — на «торжественный обед при свечах». Обстановка была торжественная и в то же время очень уютная. Открыл прием премьер-министр Баварии г-н д-р Эдмунд Штойбер, поздравивший с высокой наградой лауреатов и произнесший тост за их здоровье, дальнейшие творческие успехи и о значении науки для развития процветания общества. Потом с поздравлениями и тостами выступали и другие участники торжества, ну и как это бывает, постепенно все перешло на «локальные» поздравления и тосты. Лауреаты и гости располагались за отдельными столиками небольшими группами, сформированными оргкомитетом мероприятия. Гости переходили от столика к столику и беседовали, чокались, поздравляли. За нашим столом, кроме нас с папой, было еще 7 человек. Профессор Ханс Д. Люке с супругой, г-н Гюнтер М. Хандке с супругой, проф. Юрген Линднер (Ульм), профессор Хейнц Зенеманек (Вена) и переводчица. Папа опять был в центре внимания. Вокруг нашего стола все время толпился народ. Они подсаживались к столику и довольно подолгу беседовали с папой. Среди поздравлявших я знала только двух Нобелевских лауреатов по физике — профессора Рудольфа Мессбауэра (премия 1962 г.) и профессора Клауса фон Клитцинга (премия 1985 г.), не лично, конечно, а по их работам.

На банкете присутствовали и несколько лауреатов молодежной премии. Они сидели вдаль за отдельным столиком. Папа решил, что надо обязательно их поздравить. Он подошел к столику, где они располагались, поздравил с высокой наградой и выпил с ними за их дальнейшие успехи. Потом они беседовали. Чувствовалось, что молодые люди очень волновались. Папа порасспросил об их работах, в свою очередь, они задавали ему всякие вопросы, и было видно, что всем этот разговор интересен и приятен.

Все мероприятие вручения премии Фонда Эдуарда Райна освещалось в средствах массовой информации — в прессе, по радио и телевидению. В одной из газет была помещена большая статья о Торжественном мероприятии вручения премии Фонда им. Эдуарда Райна, в которой были приведены подробные сведения о каждом из вновь награжденных лауреатов и их портреты.

На следующий день, в воскресенье утром, все организаторы и гости Торжественной церемонии вручения премий разъезжались по домам. Оставались только мы с папой. Улетать мы должны были во вторник утром. Распрошались все друг с другом за завтраком. Организаторы мероприятия очень извинялись, что не смогут нас проводить в аэропорт и переживали, что нам самим придется платить за два следующих дня проживания в этих двух дорогуших номерах пятизвездочного Сити Хилтон Отеля, поскольку Фонд оплачивал проживание только до 12 часов воскресного дня. Они, было, хотели похлопотать, чтобы нас переселили в один номер попроще, но папа вежливо отказался, сказав, чтобы они не волновались, и что мы сами все уладим. Мне же потом сказал: «Что это мы будем переселяться, морока какая!» Потом, засмеявшись, добавил: «Мы теперь богатые, можем себе позволить пожить немного в шикарных номерах». На прощание господин Гюнтер М. Хандке подробно объяснил нам, как лучше добраться до железнодорожной станции. Оказалось это проще простого. Через служебный выход из отеля, который он нам показал, практически сразу можно попасть на железнодорожную платформу, у которой останавливается поезд, идущий в аэропорт.

Итак, впереди у нас было еще два дня свободной «шикарной жизни». Сразу после «расставания» мы быстренько собрались и отправились путешествовать

по городу. Весь период нашего пребывания в Мюнхене погода стояла замечательная — солнечная, прохладная. Дул, правда, легкий ветерок, но гулять было очень приятно — воздух свежий, «легкий», так что дышалось очень хорошо. Несмотря на большую нагрузку предыдущих дней, папа бодро шагал, наслаждаясь прогулкой и ощущением свободы. Когда нам с папой доводилось вместе куда-нибудь идти или просто гулять, мне часто приходили на ум слова Марины Цветаевой, написанные об ее отце, Иване Владимировиче Цветаеве, замечательном ученом-филологе, основателе знаменитого музея изобразительных искусств на Волхонке, теперь носящего имя А.С. Пушкина. Они очень подходили и к папе: «...час ходьбы с отцом стоит целого дня с иным скороходом... Отец мой — страстный, вернее — отчаянный, еще вернее — *естественный* ходок, ибо шагает — как дышит, не осознавая *самого* действия. Перестать ходить для него — то же, что для другого — перестать дышать». Вот и папа «ходил — как дышал». Теперь, правда, не так быстро, как раньше, но по-прежнему бодро, размеренно и энергично.

Перво-наперво мы направились в центр, в старый город. Специально намеченного плана посещения каких-то определенных достопримечательностей у нас не было. Мы просто бродили, наслаждаясь городом, его архитектурой, окружающей обстановкой и публикой, словом, его жизнью. Начали мы, конечно, с самого центра, с Ратушной площади (Marienplatz). Полюбовались красотой «пламенной готики» здания Ратуши. Папа сказал, что ему очень нравится готическая архитектура, а потом заметил, что она у него всегда ассоциируется с органом. И не только потому, что они всегда установлены в католических храмах. Его мощные звуки устремляются ввысь, так же как и готические строения. Внешне он тоже «готический». Папа очень любил этот инструмент. Потом зашли в храм Святого Петра, первую и самую старую приходскую церковь города, построенную в 12 веке. Сам Мюнхен был основан в начале того же 12 века. После этого, наслаждаясь окружающей красотой, направились к комплексу Резиденции (Residence) королей и баронов Баварии. Однако оказалось, что внутрь попасть невозможно, так как она была закрыта на реставрацию. Погуляв вокруг, мы отправились дальше.

Проходя мимо не так давно (в 1985 году) построенной художественной галереи Kunsthalle der Нуро Kulturstiftung, в которой проводятся ежегодно по несколько разнообразных выставок живописи, скульптуры и др., мы решили туда зайти. В тот момент в галерее проходила какая-то выставка живописи. Сама выставка особого впечатления на нас не произвела, но мне было очень интересно наблюдать за папой, как он рассматривает картины, и слушать его комментарии. Почти каждое полотно он рассматривал очень внимательно. Иногда делал какие-то замечания о сюжете, перспективе, технике и манере письма художника. Вспоминал других известных художников, особенности их стиля, техники письма, построения сюжета и воспроизведения цвета и т.д. Став взрослой, на художественной выставке с папой я оказалась впервые. Многое из того, о чем он говорил, я уже знала, но много услышала впервые. И честно говоря, меня даже удивила такое глубокое знание этого вопроса. Обычно на эту тему подробного разговора у нас не происходило. Помню только однажды, когда я приехала из командировки во Францию, он стал расспрашивать о моей поездке, и в рассказе я упомянула о посещении Лувра и других галерей. Потом зашел разговор о художниках, и я сказала, что мне очень интересно творчество Модильяни, о котором как раз к тому моменту я прочитала книгу. Тогда

я посетовала, что в Париже мне удалось увидеть только несколько его работ. Через какое-то время папа, вернувшийся из своей очередной командировки, подарил специально для меня купленный там альбом репродукций работ Модильяни. Для меня это было приятным сюрпризом, поскольку сама я его об этом не просила.

Пробыли в галерее мы довольно долго, и, учитывая еще наш путь от отеля и прогулку по центру города, нагрузка была достаточно большая. Увидев в одном из залов стул, я предложила папе отдохнуть. Однако он отказался, сказав, что не устал и, в свою очередь, предложил мне: «Ели ты хочешь, посиди, а я пока похожу, посмотрю...»

Когда мы уже уходили, папа задумчиво заметил: «Мне бы хотелось как-нибудь сходить в Третьяковскую галерею и Пушкинский музей. Не был я там очень давно. Когда-то мы с мамой часто там бывали. В последние годы, еще при маме, я как-то бывал один и с мамой в Эрмитаже и Русском музее в Ленинграде. Это все же не так давно, как в Третьяковке и в Пушкинском. (Выбрались мы туда с ним в 2000 году.)»

После галереи мы побродили еще по улочкам, приглядывая по пути какое-нибудь симпатичное местечко, где бы можно было пообедать. Нам приглянулась одна пивная, расположенная в уютном старинном здании, и мы решили туда заглянуть. Как оказалось, мы случайно набрали на Hofbrauhaus — одно из любимейших мест встречи и отдыха жителей Мюнхена и туристов, где они наслаждаются специально приготовленным пивом. Здание, в котором она находилась, было построено в 1589 году королем Вильгельмом V для нужд двора и его слуг. С 1828 года там разместилась гостиница, в которой конечно был и пивной бар. Так она до сих пор и существует, продолжая быть самым популярным местом отдыха местных жителей и гостей города. Обстановка в Hofbrauhaus была очень приятная, старинная добротная мебель и соответствующий интерьер создавали особый колорит и уют. Изрядно подустав и проголодавшись, мы с удовольствием расположились за предложенным нам столиком. Изучив меню, заказали себе фирменные «Баварские колбаски», мы же в Баварии, и светлое пиво. Папа очень любил хорошее пиво с сочными сосисками или колбасками с горчицей. Притащили нам по литровой кружке. Я ахнула — как же можно столько выпить! А папа спокойно так и говорит:

— Ну, если не осилишь, то я помогу, допью.

— Ты что! За мной будешь допивать, что ли? — изумилась я.

— Ну и что тут такого.

— А свое-то выпьешь? — изумилась я.

— Конечно, выпью и твое допью. — Спокойно говорит он. И тут, глядя на мою изумленную физиономию, вдруг рассмеялся:

— Да ты не переживай! Останется так останется, ничего страшного.

Мы наслаждались обстановкой, болтали и, уже здорово проголодавшись, с большим удовольствием уплетали колбаски с салатом, «потягивая» пиво. Естественно, после посещения выставки наш разговор опять вернулся к живописи. Папа очень интересно рассказывал о музеях и галереях других стран, которые ему удалось посетить, их коллекциях живописи, а таких было очень много. Вспоминал какие-нибудь интересные моменты из жизни художников и их творчества. За разговором я и не заметила, как опустошила всю кружку. Пиво было действительно очень вкусное. Заметив это, папа рассмеялся:

— Ну вот, а я-то надеялся, что мне достанется.

Колбаски же его несколько разочаровали — «суховатые».

— Уж тут-то, я полагал, они будут настоящие, сочные.

И он стал рассуждать, какие должны быть «правильные» сосиски и колбаски — «налитые», ароматные, и при надкусывании из них должен брызнуть сок. Вспомнил, что где-то в литературе встречал замечательное описание «правильных сосисок». Не очень уверенные в правильности нашего заключения, мы сошлись все же на том, что, скорее всего, это было в одном из ранних произведений М. Булгакова.

Посидев в Hofbrauhaus около часа, мы, сытые и отдохнувшие, отправились дальше. Путь наш лежал к Пинакотеке — галерее живописи и скульптуры. Построена она была в 1826–1836 годах, и в свое время обладала одной из самых больших в Европе коллекций этих произведений. Позже здание ее достраивалось и восстанавливалось после разрушений, особенно больших, которые произошли во время Второй мировой войны. В 1957–1981 годах неподалеку, напротив, было выстроено еще одно здание галереи — Новая Пинакотека (Neue Pinakothek). В настоящее время в старом помещении, получившем название Alter Pinakothek (Старая Пинакотека), размещена уникальная коллекция старых германских и фламандских мастеров и очень значительные работы немецкой, французской и испанской школы. Фактически там дан обзор развития европейской живописи в период с 14 по 18 век. Коллекция же Новой Пинакотеки, в которую входит около 550 полотен и 50 скульптур, охватывает период с начала 18 века и до наших дней. Однако, к нашему большому сожалению, попасть туда мы не смогли — опоздали. Закрывались Пинакотеки в 17 часов. Нам ничего не оставалось делать, как немного погулять вокруг и двинуться в обратный путь, немного посетовав, что напрасно так много времени провели на выставке в Kunsthalle der Нуро Kulturstiftung. Возвращаться той же дорогой папа не захотел — неинтересно, и хотя это было немалый «крюк», решил пойти через Английский парк. В парке мы немного побродили, полюбовались природой, с полчаса отдохнули на скамеечке — дольше было невозможно, поскольку было очень прохладно. Папа заметил, что больше всего он любит английские парки с их естественной природой, не слишком «изуродованной» человеком, и в то же время ухоженные, с просторными светлыми полянами, участками леса и перелесками. Поужинали мы по дороге, немного не доходя до отеля, в уютном ресторанчике, который мы почему-то не заметили в первый день нашего пребывания Мюнхене. После такой продолжительной прогулки мы с удовольствием устроились за предложенным нам столиком у окна, заказали вкусный настоящий обед и с наслаждением расслабились, болтая и наблюдая в окно за жизнью города. Вскоре зал был полон и через какое-то время, официант, спросив нашего согласия, посадил за наш столик симпатичную пару. Молодые люди оказались очень общительными, так что сразу завязалась непринужденная беседа. Они рассказали, что они немцы, живут в Германии (забыла в каком городе), а в Мюнхен приехали отдохнуть и погулять на выходные дни. Узнав, что мы русские и приехали из России на церемонию вручения премии Эдуарда Райна, молодой человек очень оживился и сказал, что узнал папу. Он видел по телевидению и читал в газете об этом событии. В газете была напечатана большая статья, в которой рассказывалось о лауреатах премии, их работах и приведены их фото. Тут же стал спрашивать, что это за теорема такая, за которую папе вручили премию, и когда он популярно объяснил, в чем ее суть и значение, страшно обрадовался. Тут же вытащил из кармана свой сотовый

телефон и достал из сумки цифровую фотокамеру. Потом разговор зашел о радиоастрономии, исследовании планет. Я же смотрела на этих молодых людей, вспоминала реакцию научного сообщества, присутствовавшего на церемонии, прессы, и, безотносительно к личности Владимира Александрович и его работам, с грустью думала — казалось бы, какая радость этим людям из далекой чужой Германии от того, что, наконец, через столько лет признан приоритет нашего, российского открытия, оказавшегося впоследствии основополагающим во всей информатике и телекоммуникациях, определивших лицо эпохи конца XX и начала XXI века. В нашей стране такой реакции не было и не будет. Поистине — «нет пророка в своем отечестве». В России, как показывает история, это справедливо на все 200%. Не умеют у нас ценить свои, отечественные, зачастую выдающиеся и уникальные открытия и достижения.

В отеле на мой обычный вопрос папа ответил, что устал «немножечко», но вот ноги у него стало сводить. Я приготовила ему теплую ванну, хотя обычно, предпочитая душ, он ею не пользовался, и довольно быстро у него все пришло в норму.

На следующий вечер по отмеченному нами на карте маршруту прогулки мы с папой прикинули расстояние, которое прошли накануне. Я ужаснулась, с трудом поверив своим глазам, — оказалось, что около 19 км (точнее 18 700 м)! И это — всего при полуторачасовом отдыхе!

На понедельник у нас была намечена «деловая» программа. Начали с того, что сразу после завтрака отправились «на разведку» — выяснили, каким образом мы доберемся до платформы. Следуя подробной «инструкции» господина Хандке, мы вышли через служебный вход отеля и, действительно, почти сразу попали на железнодорожную платформу. Единственная сложность, которая нас поджидала — это короткая лестница, или параллельно расположенный эскалатор, спускающийся уже непосредственно на платформу. Мы прикинули, как мы сможем ее преодолеть, «разработали тактику» и решили, что вполне справимся. После этого мы отправились в центр Мюнхена в магазины. Папа хотел купить сувениры близким и посмотреть себе хороший галстук, ремень и берет. С головными уборами у него всегда были проблемы — слишком большой размер головы. Ходить папа мог сколько угодно, а вот от магазинов очень уставал. Поэтому мы решили все это проделать целенаправленно, затрачивая как можно меньше времени на покупки. Купили сувениры, в подарок Марине папа подобрал украшение и предложил мне тоже что-нибудь выбрать для себя. Я отказалась, сказав, что с меня хватит и того, что у меня уже имеется. Тогда чуть подумав, решил, что подарит мне хороший чемодан, поскольку мой почти развалился по пути в Мюнхен. После покупки сувениров пошли подбирать папе галстук, ремень и берет. Выбирал он все сам, и мне было очень интересно наблюдать за этим процессом. До этого мы с ним никогда не бывали в магазинах подобного рода. Покупали пальто, заказывали костюм, но там это, в основном, сводилось к примерке, а в остальном папа полагался на меня. Тут же он подбирал галстук сам. Смотрел, чтобы он не был слишком официальным и мрачным, но в то же время и не был «кричащим», чтобы подходил по рисунку, цвету и тону к костюму. Выбрал, с моей точки зрения, очень красивый, элегантный галстук в стиле импрессионизма. Пока он покупал свои вещи, я примеряла шляпы, поскольку давно собиралась купить себе что-нибудь к плащу. И вдруг, к моему великому удивлению, папа, взглянув на меня, заявил: «Эту и не ду-

май братъ. Она тебе не идет. Ты в ней уж больно “заморенная”. Возьми лучше предыдущую. В ней ты повеселее и выглядишь моложе». Я-то думала, что он занимается своими делами и не обращает на меня никакого внимания. Никогда и не предполагала, что он вообще обращает внимание на одежду или на внешний вид человека. И уж никогда не думала, что он может так точно оценить действительно хорошую и подходящую вещь. Считала, что этим занимается исключительно мама.

Чемодан папа решил купить поближе к отелю, чтобы не тащить через весь город. На обратном пути мы пообедали в каком-то ресторанчике и совсем близко к отелю нашли магазин, где торгуют чемоданами. Выбирал чемодан папа очень тщательно, со знанием дела. Во-первых, чтобы он был прочным, у него была крепкая рама, хорошее крепление колесиков, да и они сами были сделаны качественно. Во-вторых, чтобы он был легким, удобным в транспортировке, вместительным и компактным. Вспомнив мой багаж, он выбрал большой чемодан, но такой удобной формы, что громоздким не казался. Он прекрасно мог встать и «вдоль» и «на попу», занимая при этом очень мало места. И катить его можно было и просто за ремешок, и за выдвигающую ручку, как тележку. «Ход», как оценил папа, был у него легкий, хороший. Кроме того, он подобрал чемоданчик поменьше, такой же формы и такого же качества, который помещался внутрь. А еще небольшую, компактную сумку через плечо, которая очень хорошо пристраивалась к ручке чемодана, когда его катишь как тележку. Словом — чудо, а не чемодан. Полная экипировка. Сам папа покупкой остался доволен.

После этого мы отправились к себе в отель. Отдохнув немного, приступили к сборам.

Прощальный ужин папа предложил устроить в номере. Мы заказали в ресторане себе вкусную еду, фрукты, папа подобрал хорошие, подходящие вина, а в них он знал толк. Словом, устроили пир, правда, не «при свечах», а «при торшере». Вечер мы провели великолепно. Было очень красиво, вкусно, празднично, весело и уютно. Согретые вкусной едой и вином, мы болтали, папа много шутил, рассказывал всякие истории, словом, мы наслаждались обществом друг друга и всей окружающей обстановкой.

На следующее утро, во вторник, мы, быстро позавтракав, отправились в аэропорт. От носильщика папа отказался, заявив, что «нечего с ними связываться — мы и так прекрасно справимся». И действительно, мы с легкостью докатили свои чемоданы до эскалатора, который спускался к платформе и, слегка притормозив, стали прикидывать, как нам лучше спуститься. В это время мимо пробежал какой-то молодой человек, который, видимо, спешил на поезд, и, увидев наше замешательство, поинтересовался, не надо ли нам помочь. Поскольку мы несколько замешкались с ответом, а он торопился, то, не раздумывая, схватил наш багаж, мигом спустил его вниз и помчался дальше, помахав нам на прощание рукой. Все произошло так быстро, что мы не успели даже оглянуться. Ну, а дальше все было очень просто. На очень удобной электричке мы без труда добрались до аэропорта, оформили все документы и полетели в Москву. В самолете мы болтали о всякой всячине, папа просматривал свежую прессу, путеводитель по Мюнхену, какие-то журналы, которые были в салоне. Чувствовал он себя великолепно. Он вообще любил летать на самолетах, чувствовал себя очень комфортно независимо от того, был ли место в салоне первого или эконом-класса. Уже подлетая к Москве, он сказал: «Как прилетим, надо будет

первым делом выяснить ситуацию с налогом на премию. Проверить, входит ли она в список научных премий, по которым было принято постановление Правительства об освобождении их от налога. Если нет, то выяснить размер налога и сразу его оплатить». Так мы спокойно долетели до Москвы.

В Москве папа сразу вошел в свой рабочий ритм. Его, конечно, поздравили в Президиуме РАН, в ИРЭ. Промелькнула информация в средствах массовой информации. Как водится, в опубликованных заметках было многое «перевернуто», но событие все-таки обозначено. Так, газета «Сегодня» написала:

Награда нашла российского академика спустя 66 лет.

Российский ученый, действительный член РАН профессор Владимир Котельников удостоен премии Эдуарда Рейна — одной из наиболее престижных научных наград ФРГ. Денежное содержание премии составляет 150 тыс. марок (примерно 80 тысяч долларов). Еще в 1933 г. Котельников, которому сейчас 90 лет, теоретически обосновал возможность цифровой звукозаписи, что положило начало такому изобретению, как компакт-диски. Изыскания советского ученого были опубликованы в специализированных журналах еще в довоенные годы. В 50-е и 60-е гг. Котельников работал в рамках советской космической программы, и потому его имя не было известно на Западе. Долгое время мировая наука считала основоположником теории цифровой записи профессора Клода Шеннона, который опубликовал свои результаты лишь в 1948 г., после академика Котельникова. Однако несколько лет назад сотрудники Фонда Эдуарда Рейна натолкнулись в советской периодике на статьи Котельникова и доказали его бесспорный приоритет. В области практических технологий награды достались итальянским ученым Фаббио Рокка и Леонардо Чиарильо-го, разработавшим принцип кодирования для цифрового телевидения. Премии в области культуры и журналистики был удостоен немецкий историк Йоахим Фест, автор фундаментальных исследований, являвшийся издателем газеты «Франкфурт альгеймайне».

Александр Михайлов.

«Сегодня» 19 октября 1999 г.

Корреспонденты задавали Владимиру Александровичу вопрос, как он собирается использовать полученную им премию. На что он отшучивался: «Прежде всего, сделаю новый забор на даче. А то мы его не меняли вот уже 45 лет, и он у нас совсем развалился».

И действительно, я как-то поинтересовалась у папы, как это они с мамой ухитрились сделать забор так, что он простоял больше 40 лет, причем часть его, которая со стороны леса и оврага, не была даже покрашена. На что он возразил: «Во-первых, она была обработана олифой — мама не хотела его красить, ей больше нравился естественный цвет дерева. А потом, я просто регулярно за ним ухаживал. Каждую весну и поздней осенью смахивал со слег мусор — хвою, листья и другой мусор, который на него налетел, поэтому там не разводилась плесень и мох». Мы этого даже никогда и не замечали. Он просто спокойно регулярно все это проделывал сам.

Мне же папа потом сказал: «Я думаю, вы не обидитесь, что часть премии я отдам людям, с которыми мне хочется поделиться. Для них, я думаю, эти деньги будут совсем не лишними».

Что же касается налога. В вышеупомянутом «списке» премия Фонда Эдуарда Райна не упоминалась. И это неудивительно — Котельников был первым и единственным ученым России, которому она когда-либо была присуждена. Владимир Александрович сразу стал хлопотать о том, чтобы ее включили

в «список» — «для возможных последующих лауреатов». За свою же премию он уплатил «полагающийся» налог — 40% от общей суммы премии. Кое-кто советовал Владимиру Александровичу не затевать всю эту волюнку с налогом, а просто его не платить. Другие же премии не облагаются. Чем эта хуже? Да и кто обратит на это внимание. На что он категорически возражал: «Нет, так не годится! Если все так будут делать, уклоняться от налогов, то откуда же государство будет брать деньги на всякие социальные выплаты — на пенсии, стипендии и т.д. Это значит обкрадывать других граждан».

Через какое-то время после вручения Владимиру Александровичу премии Фонда Эдуарда Райна старший внук, Алексей Котельников, спросил: «Дед, а ты мог бы оспорить свой приоритет раньше?» Владимир Александрович на мгновение задумался, а потом сказал: «Мог, наверное. А зачем?»

